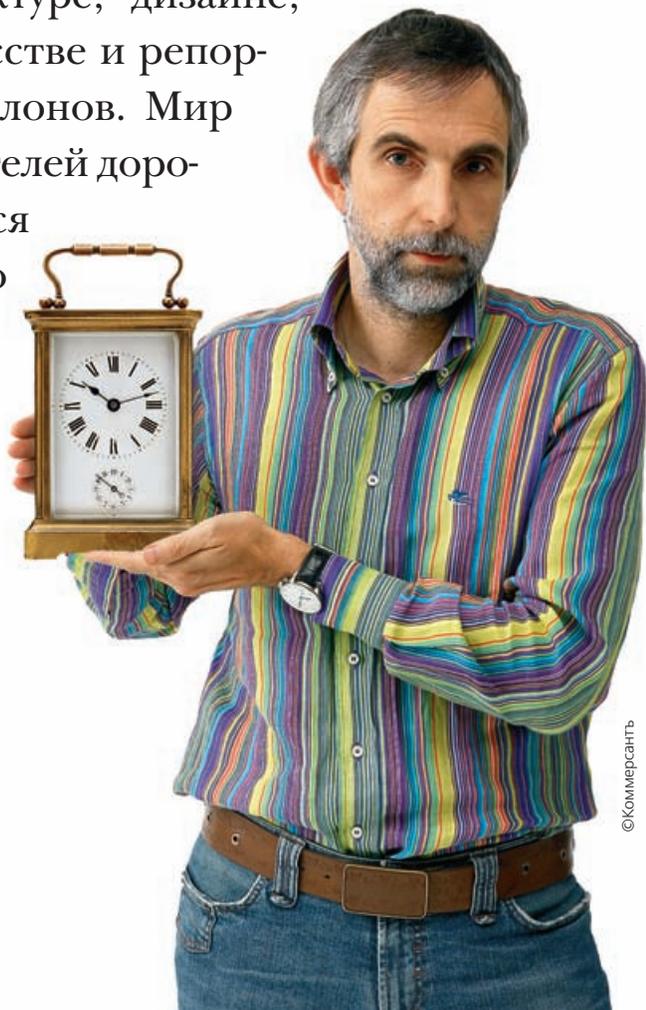

ЗРИТЕЛЬ часового театра

Ольга Орешкина

Положение – руководитель блока культуры издательского дома «Коммерсантъ» – не обязывает Алексея Тарханова писать самому. Но он регулярно пишет статьи об архитектуре, дизайне, современном искусстве и репортажи с часовых салонов. Мир создателей и любителей дорогих часов видится ему сферой чистого искусства. Он это высокое часовое искусство знает, ценит и получает от него удовольствие

— Понятно, почему вы пишете, например, об архитектуре, — сказывается образование, культура — сфера ваших профессиональных обязанностей. Но дорогие механические часы, это, кажется, ваш личный выбор. Чем они вас так привлекают?

— Своей ненужностью. Как вы понимаете, часы — совершенно ненужная вещь. Если вы действительно интересуетесь временем суток, то на часы смотреть необязательно. Существуют мобильные телефоны, сигналы точного времени, можно попросить — и вас разбудят. Если же вы все же носите часы, чтобы знать время, то носите кварцевые — они точные, их нет нужды заводить, год с ними можно существовать, ни о чем не думая. Люди, которые делают механические часы, занимаются, в сущности, искусством ради искусства. Одни делают вещи, в которых нет необходимости, очень дорогие и очень сложные. И очень красивые.

— Дорогие и сложные — значит надежные?

— Даже самые хорошие часы выходят из строя, они не так уж долговечны. Конечно, реклама говорит, что ваш сын спит и видит, когда получит наконец-то ваши фамильные часы. Не факт, что он их получит, несмотря на все гарантии. Это все равно искусство ради искусства. И мне очень нравится, что огромная часовая отрасль с гигантскими деньгами работает на то, что никому не нужно. Удивительная загадка нашей культуры.

— Вы ее разгадываете?

— Я не разгадываю, я ей пользуюсь и получаю от этого огромное удовольствие.

— В сфере элитных часов все время происходит что-то новое, на часовых салонах каждый год мануфактуры демонстрируют свои достижения. Почему же эта, как вы говорите, отрасль, в которой нет необходимости, процветает и развивается?

— Все, чем живет современный часовщик, было придумано в XVIII–XIX веках. Потом пошла мелкая суета: стрелочка туда, стрелочка сюда, окошко направо, окошко налево, эта функция, другая. Усовершенствовать часы все равно что усовершенствовать масло — его давно изобрели и ничем с тех давних пор не улучшили.

— А как же влияние научного прогресса?

— Да, за последние 20 лет в часах произошла настоящая

техническая революция — появились синтетические материалы в механизмах, появились специальные материалы для корпусов. Когда-то мы считали большим достижением титан. Говорили, что это настоящий космический материал, страдали, как он сложен в обработке. Теперь титан стал обычным материалом, и появилась керамика. Если человек сначала окончил мехмат, потом учился на физмате и захватил немного сложной химии, то он, наверное, в этих материалах способен разобраться. Но я не большой специалист в технологии часов. Я — зритель часов.

— Ага, технический прогресс движет вперед часовое дело.

— Но я, как зритель, вижу вот что: появляются разные новые штуки. И одни часовщики говорят: вот мы сделали пружину из совершенно нового материала. На это другие часовщики отвечают: а мы делаем пружины из того же материала, как в XVIII веке, и они прекрасно работают сто лет, а что будет с вашей пружинкой через тридцать лет, мы еще посмотрим. Им возражают: вы делаете пружину, как сто лет назад, когда у человека были одни часы, которые он передавал по наследству, а теперь люди покупают по пятнадцать часов в год, так зачем им нужна пружина на сто лет?

— А эти обязательные атрибуты дорогих часов, вот турбийон, например? Зачем-то ведь он нужен.

— Турбийон, изобретенный Абрахамом Луи Бреге века два назад, «вихрь» или «водоворот», — это прибор, который нивелирует воздействие земного притяжения на часовую механизм. Смысл его в том, что он компенсирует вращение Земли и уточняет механизм на секунду в четыре месяца. Есть и более удивительные осложнения. Например, «уравнение времени». Такой астрономический механизм в часах, который учитывает разницу гражданского, общепринятого, времени и солнечного. В течение года она колеблется плюс-минус четверть часа. В обычных часах считается, что в сутках 24 часа и все, а в часах с уравнением времени — когда больше, а когда меньше.

— Значит, часы с уравнением времени и турбийоном самые точные?

— Никакого особого смысла в механической точности нет. По меркам большого города, четверть часа — это законное время для опоздания. При этом турбийон

был сделан для часов, которые носили в вертикальном положении, в кармане. Сейчас, когда мы крутим часы на руке, турбийон не нужен. Просто это очень красивая и дорогая — дороже бриллианта — штука. Мануфактуры, как правило, делают так, чтобы он в часах был заметен, но иногда его даже нарочно не показывают. Просто знаешь, что у тебя в часах есть турбийон.

— **Но дорогие часы, как и дорогие ручки...**

— С ручками то же самое. Я очень удивлюсь, если вы сейчас достанете из сумки перьевую ручку, встряхнете ее, затем вынете промокашку... Нет, вы будете писать bic'ом.

— **Вic'ом не буду. Известно, что дорогие часы, как и ручки, подчеркивают социальный статус владельца. Но, может быть, тяга к ним — своеобразный род атавизма, раньше мужчины выходили в люди со шпагой, теперь звенят часами.**

— Это старые идеи, что часы — ювелирка мужчины, и чтобы продемонстрировать свое богатство, ты можешь показать часы, а то придется крутить на пальце ключи от Bentley. Но схема «то, что ты носишь, тебя показывает» уже не работает. Тебя показывает то, как ты выглядишь.

— **Да, согласно модной теории, именно тело — главное свидетельство твоего социального статуса, к нему перешли от одежды представительские функции.**

— Тело, зубы, кожа, количество волос, ухоженность. А надеть на себя можно и «фэйк», кто будет разбираться. Если мужчина любит драгоценности, он может носить перстни, никого это не смутит, хоть кольца в носу.

— **Значит, понять тягу к часам невозможно. Но разве мужчины перестали ими хвастаться?**

— Мужчины вот уже лет пятьдесят перестали хвастаться наличием часов. А объяснить привязанность к ним нетрудно. Это прекрасная, тонкая штука, сделанная очень интересными, интеллигентными людьми. И покупать часы, тратить на них деньги — большое удовольствие.

— **Даже на искусство есть мода, а на часы?**

— Есть мода, есть тенденции. Последние несколько лет совет моды: увеличить размер часов. Вот на мне часы. Когда-то они считались очень большими, потому что

построены еще на платформе карманных часов. Сейчас их размер превзойден, можно носить еще и еще крупнее. Есть мода на материалы: например, сочетание несочетаемого — каучук и золото, пластик с бриллиантами, алюминий, напыленный на золотой корпус. С другой стороны, сейчас в моде такой супертрадиционный материал, как платина.

— **Расскажите о ваших любимых моделях.**

— Конечно, у меня есть пристрастия, но рассказывать о них не стану. Когда едешь на большую часовую выставку, любимые часы лучше не надевать. Это мир, где люди полны невероятных страстей, гордости, бесконечного стремления к совершенству, желания добиться превосходства. И они не переносят чужих часов. Когда тебе нужно встретиться одновременно с пятью такими людьми, то не хочется никого из них обидеть.

— **И что же вы в таком случае делаете?**

— Не надеваю часов.

— **Сказать, какие ручки любите, вы можете?**

— У меня в ящике лежит ручка Montblanc, иногда пишу ручкой Dunhill. Это хорошие ручки, но они дороги не сами по себе, а потому, что их подарили дорогие мне люди. Я люблю хорошие чертежные инструменты. Но в ручке для меня главное — не как она выглядит, а как пишет. Все ручки luxury-класса отлично пишут, их можно ремонтировать. А более дешевые, вернее среднеторговые, приходится выбрасывать.

— **Вы настолько привязываетесь к вещам?**

— Просто приятно думать, что они могут сохраняться.

— **Вы в детстве мечтали о часах, или они у вас появились еще до желания?**

— Они появились, как у всех, где-то в школе, классе в пятом. Но вот помню, уже в институте на меня произвело впечатление, что у моего приятеля было две пары часов. Я совершенно не мог понять, зачем ему столько.

— **Сколько же у вас часов сейчас? Вы их, наверное, коллекционируете?**

— Я их не коллекционирую, это очень опасное занятие. Я недавно утешал бельгийского часового журналиста, который, рыдая, рассказывал, что у него украли коллекцию часов и как он будет счастлив, когда из последних сил ее восстановит. К часам очень привязываешься. У меня их несколько, но это просто вещи, которые нравятся.

Ежегодные часовые салоны — место встречи производителей часов

Pen World

ЖУРНАЛ О МИРЕ ПИСЬМА ДЛЯ ЦЕНИТЕЛЕЙ РОСКОШИ

Эти и другие материалы журнала «Мир Ручек»
Вы можете найти на сайте www.ElitePen.ru

Copyright © ООО «Мир Ручек»

Все права на материалы охраняются в соответствии с законодательством РФ.
Любое использование возможно только с письменного разрешения правообладателя.